

Равикович А.Ю

Ленинградская Правда
Ленинград

17 сентября 1986 года ♦ № 214 (21756) =

ИМЯ В АФИШЕ

В БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ПАРТИЙНОЕ собрание проходило бурно. В выступлениях коммунистов чувствовалась искренняя заинтересованность в перестройке своей работы — творческого процесса создания спектакля. Каждый выступавший пытался ответить на вопрос, что же конкретно требуется, чтобы всякое представление игралось на уровне премьеры, чтобы премьера становилась значительным театральным событием, чтобы зрители стремились купить, а не продавали у входа в театр билеты. Легче всего искать виновных на стороне, но прежде всего надо строго спросить с самих себя. Эта мысль звучала почти в каждом выступлении коммунистов. И было высказано немало дельных предложений.

Тон такому разговору на собрании задал доклад секретаря партийной организации Академического театра имени Ленсовета, народного артиста РСФСР Анатолия Юрьевича Равиковича. Конкретный, нелицеприятный. Какого не было давно. Опыт партийной работы у Анатолия Юрьевича небольшой. Но бесспорен в театре его авторитет не только как художника, но и человеческого. Думает остро, всегда не безразличен к тому, что происходит вокруг, неуступчив и тверд в отстаивании своего взгляда, не терпит никакой приближенности в работе.

Не случайно на репетициях он упорно стремится докопаться до значения каждой фразы, мизансцены, знать, каково место роли в концепции целого произведения и, разумеется, зачем сегодня нужен этот спектакль.

Перед встречей с Анатолием Юрьевичем я перебирала в памяти постановки с его участием. Бенволио в «Ромео и Джульетте» — острый на язык, скорый на проделки. Небольшая роль, однако сразу выявившая способности актера к введению второго плана. Грумио в «Укрощении строптивой» — каскад трюков, почти цирковая клоунада. И рядом глубоко психологическая роль — клоун Бом в «Интервью в Буэнос-Айресе», где при минимуме выразительных средств актер достигает истинного драматизма. В коротком эпизоде раскрывает целую судьбу. Он играет трагедию прозрения маленького человека, который долго успокаивал себя тем, что его тихий голос ничего в мире не значит, и жестоко поплатился за это.

Когда думаешь об этих и других ролях Равиковича, прежде всего в памяти всплывают глаза. Безысходно грустный взгляд Санчо в спектакле «Дульсинья Тобосская», Санчо, ставшего здесь как бы духовным преемником возвышенных идей Дон Кихота после его смерти. Горьковатая усмешка в быстром взгляде энергичного, незадачливого режиссера маленькой бродячей труппы Дженнано в спектакле «Человек и джентльмен». Мудрый и озорной взгляд справедливого, неугомонного судьи Аздака в постановке «Люди и страсти». И, наконец, старый Глушков в спектакле «Вы чье, старичье?» — человек с наивно распахнутыми на мир глазами. Одна из лучших работ Равиковича в последнее время. В ватнике и старенькой ушанке, такой неприметный на первый взгляд, тихий человек, но какой огромный мир мудрой доброты несет в себе его Глушков. Никакие злоключения не способны, кажется, ожесточить его сердце. Нетребовательный к житейским благам, ничего не наживший, не приобетший в жизни, не усвоивший деловой хватки. Казалось бы, актер подчеркивает в Глушкове комические черты

созерцателя и, вместе с тем, раскрывает трагическое удивление перед ситуацией, когда оказался в старости никому не нужным. Перед нами не просто судьба неудачника, перед нами трагедия невестребованной доброты.

«Созданные актером образы никогда не бывают одноплановыми: в комедии он обязательно обнаружит хоть каплю горечи, а к героическому идет через смешное, проповедь облекает в эксцентрическую форму», — так характеризует особенности дарования Анатолия Юрьевича главный режиссер театра народный артист СССР Игорь Петрович Владимиров.

И еще хочется сказать, что герои Равиковича, существуют ли они в стихии карнавальской раскованности, созданы ли в острой гротескной манере или притчевой обобщенности, или в стиле бытового психологизма, всегда удивительно достоверны, демократичны и мудры, наделены чувством правды и справедливости.

Но мне предстояло беседовать с Анатолием Юрьевичем о другом. О том, что волнует его в театре как коммуниста, секретаря партбюро. И говорил он о наиболее простом. Не драматизируя ситуации, но и не стараясь приукрасить дела. В нем вообще нет привычной актерской бравады, громкоглазой подачи себя. Умен, интеллигентен, полон спокойного достоинства.

А волнуют его будни. С ежедневных мелочей, считает он, начинается то, из чего складывается лицо театра, что влияет на авторитет коллектива у зрителей. Бывает еще, одни артисты играют рядовой спектакль вполсилы, другие (особенно если недавно введены на роль и давно нигде не играли) норовят занять внимание зрителей больше, чем требуется по концепции постановки. А в результате деформируется замысел произведения. Нужен дежурный режиссер на каждом спектакле, — считает Анатолий Юрьевич. — Необходим разбор просчетов представления.

Одной из самых больших сегодня проблем считает Анатолий Юрьевич малую занятость мастеров среднего поколения.

То есть тех, у кого молодежь постоянно должна бы учиться. Неоднократно поднимался этот вопрос на партбюро: коммунисты не должны быть равнодушны к творческим судьбам товарищей. Разумеется, и молодых тоже. А сам он, хоть и не закреплён ни за кем официальным наставником, но нередко подойдет к молодому исполнителю после репетиции, отведет в сторону, посоветует. Негромко, чтобы не поставить в неловкое положение, не обидеть. Не раз, бывает, напомнит руководству, что хорошо бы того или иного актера попробовать на такую-то роль: давно, дескать, ничего человек не играл.

Сам привык постоянно серьезно работать даже тогда, когда новых ролей приходится ждать долго. И другим советует: побольше читать, накапливать наблюдения, учиться размышлять. Неправильно порою ошибаются те молодые, считает он, для которых учеба кончается с получением диплома театрального вуза. С годами утратив обаяние молодости, эти инфантильные седые мальчишки оказываются потом неспособными играть серьезные, глубокие роли.

Конечно, профессия актера — зависимая и от репертуара, и от режиссера. А иногда и просто от заведенных порядков в театре. Театральное дело только начинается еще перестраиваться. Но уже сейчас Анатолий Юрьевич старается, чтобы слово и дело воссоединялись воедино в сознании коммунистов, всех работников театра. И потому, когда каждое утро через служебный вход идут в театр артист и плотник, режиссер и монтировщик, директор и гример, идут в дом, где проходит большая половина их жизни, Анатолий Юрьевич озабочен тем, чтобы каждый чувствовал себя хозяином в этом родном доме. Ведь создание спектакля — дело общее. Одному за все в театре отвечать нельзя. Потому и выступил он на собрании так откровенно и прямо, чтобы каждый задумался о том, что он может сделать для себя, для своего родного дома, для искусства, для зрителя.

К. КЛЮЕВСКАЯ

220